

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

БОЛГАРИЯ В «БАЛКАНСКОЙ ИГРЕ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

О.И. Агансон

Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27-4, Россия, Москва, 119992

В статье анализируются место и значение Болгарии в балканской политике Великобритании в десятилетие, предшествовавшее Первой мировой войне. Автор, опираясь на британские архивные материалы, показывает, что Лондон, вырабатывая свой внешнеполитический курс на Балканах, учитывал широкий спектр факторов как общестратегического, так регионального характера.

Ключевые слова: Великобритания, Болгария, Фердинанд Кобург, Османская империя, Македонский вопрос, Балканские войны 1912–1913 гг., Антанта.

Начало XX в. вошло в историю как время, отмеченное бурными событиями на международной арене: Европа скатывалась в пропасть мировой войны. Балканы в силу комплекса причин как внешнего, так и внутреннего характера превратились в главную «горячую» точку на политической карте мира; именно здесь разгорелся мировой пожар.

Балканский полуостров представлял собой особенный сегмент существовавшей системы международных отношений. Развитие политической ситуации в регионе определялось, с одной стороны, характером взаимоотношений между великими державами, с другой – взаимодействием местных акторов. К последним преимущественно относились государства, недавно получившие независимость – Греция, Румыния, Сербия, Черногория и Болгария. Вмешательство великих держав в дела региона во многом являлось их реакцией на действия балканских государств. Возрастание роли «малых стран», пусть и на региональном уровне, свидетельствовало о возникновении новой тенденции в международных отношениях накануне Первой мировой войны. Естественно, все это усложняло международную жизнь, вносило

в нее элемент непредсказуемости, а также придавало новое измерение политике великих держав на Балканах.

В Британии, которая на тот момент была единственной мировой державой, чутко улавливали новые «векания», появившиеся на международной арене в целом и в отдельных регионах в частности. И в этом смысле Балканы не были исключением, а, напротив, подтверждали общую закономерность. Интерес Англии к Балканскому полуострову обуславливался двумя обстоятельствами. Во-первых, расположенный на стыке трех частей света, он представлял стратегическую значимость. В условиях системы коммуникаций начала XX в. сухопутный маршрут из Европы на Восток пролегал через Балканы. Естественно, Великобритания, обладавшая обширной колониальной империей в Азии, учитывала этот факт. Во-вторых, способность Англии поддерживать свое влияние в том или ином регионе, особенно если он рассматривался другими великими державами как жизненно важный, отражалась на ее позициях в глобальном масштабе. В новых реалиях успех внешнеполитического курса Лондона на Балканах во многом зависел от того, насколько эффективно он сможет взаимодействовать с местными акторами.

Среди всех государств региона Форин оффис в наибольшей степени интересовала позиция Болгарии, которую британские дипломаты называли «ключевым фактором на Балканах» (1). Такое отношение Лондона к Болгарии объяснялось двумя причинами: стратегическим положением этого государства, его близостью к Черноморским проливам и наличием у него сильной, боеспособной армии. Сочетание этих факторов позволяло современникам рассматривать Болгарию в качестве ведущего государства в регионе: она, действительно, превращалась в «козырную карту» в балканской «игре» великих держав.

Сразу отметим, что предметом нашего специального исследования не являются англо-болгарские взаимоотношения в начале XX в. В этом направлении очень разнообразной и плодотворной оказалась деятельность болгарского историка А. Пантева (2). В данной статье нам предстоит решить три принципиальные проблемы. Во-первых, выясним, как изменялось отношение Лондона к Болгарии под влиянием международной конъюнктуры, т.е. в зависимости от взаимодействия Британии с другими великими державами. Во-вторых, определим значение болгарского фактора для региональной политики Англии, и здесь, прежде всего, пойдет речь о роли Софии в развитии македонского кризиса начала XX в. В-третьих, проследим, насколько устремления Болгарии вписывались в балканский «сценарий» Лондона. Для решения поставленных задач нами будут привлечены дипломатические документы Форин оффис, хранящиеся в Национальном архиве Великобритании. Эти документы впервые вводятся в научный оборот в нашей стране. Нами также будут использованы материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и опубликованные сборники дипломатических документов Великобритании, Болгарии и Германии.

На протяжении всего XIX в. Англия выстраивала свой внешнеполитический курс на Балканах в зависимости от существовавшей расстановки сил на Ближнем Востоке, т.е. от усиления там влияния другой великой державы и ее возможного преобладания в Азии. В условиях, когда британские правящие круги воспринимали Россию в качестве главного стратегического соперника на Востоке, поддержание целостности Османской империи являлось краеугольным камнем политики Лондона. В соответствии с этой логикой Британия со времен Восточного кризиса 1875–1878 гг. выступала как главный противник создания сильного Болгарского княжества. Стараниями английской дипломатии были пересмотрены положения Сан-Стефанского прелиминарного договора 1878 г., по которому территория автономной Болгарии должна была простирается от Дуная на севере до Эгейского моря на юге и от Черного моря на востоке до гор Албании на западе (3). По оценкам британских дипломатов, создание такого обширного славянского государства радикально сместило бы баланс сил на Балканском полуострове в пользу России и позволило бы ей политически и экономически доминировать в регионе (4).

В результате по решению Берлинского конгресса 1878 г. Болгария была разделена по Балканскому хребту на две части: на севере от него образовывалось самоуправляющееся Болгарское княжество, на юге – провинция Восточная Румелия, оставшаяся «под непосредственной политической и военной властью» турецкого султана (5). Более того, даже такое территориальное урегулирование в отношении Болгарии вызывало критическую реакцию ряда британских дипломатов: по словам британского посла в Константинополе О. Лэйарда, отдать Болгарскому княжеству Софийский округ значило «открыть ему дверь в Македонию» (6).

Однако события Болгарского кризиса 1885–1886 гг. заставили Лондон радикально переоценить значение княжества для расстановки сил на Балканах. Внутреннее, не спровоцированное внешним вмешательством, движение за объединение Болгарии и Восточной Румелии, ссора болгарского князя Александра Баттенберга с Петербургом, убедительная победа над сербами в войне 1885 г. продемонстрировали, что правящие круги княжества были способны принимать самостоятельные внешнеполитические решения.

Расширившаяся Болгария, стремившаяся избавиться от опеки России, вызывала благосклонное отношение Англии (7). Британский посол в Константинополе сэр Уильям Уайт довольно красноречиво выразил английское видение болгарской проблемы: «эти недавно освободившиеся народы (т.е. болгары. – *О.А.*) хотят вздохнуть полной грудью, а не через ноздри России» (8). При содействии британской дипломатии было заключено турецко-болгарское соглашение, в соответствии с которым султан назначал болгарского князя губернатором Восточной Румелии.

Таким образом, Болгария, на взгляд Форин оффис, превратилась из сателлита России на Балканах в преграду на пути ее продвижения в Восточное Средиземноморье. Тем более актуальным это становилось ввиду прогрессирував-

шего ослабления Османской империи, ограниченности ее возможностей эффективно противостоять России, а также периодически возникавшего у Порты стремления прийти к соглашению со своей могущественной северной соседкой.

На рубеже XIX–XX вв. ситуация на Ближнем Востоке и Балканах не внушала оптимизма британскому истеблишменту. Подобные настроения, царившие в Лондоне, объяснялись, во-первых, стремительным нарастанием англо-германского антагонизма на международной арене. Влияние Германии сделалось преобладающим в Турции, недвусмысленным доказательством чего явилось дарование в 1899 г. султаном Абдул-Хамидом II Дойче банку концессии на строительство Багдадской железной дороги (9). Во-вторых, наметилась тенденция австро-русского сближения, которая получила практическое осуществление в виде соглашения 1897 г. о поддержании статус-кво на Балканах, что фактически означало конец традиционному англо-австрийскому сотрудничеству в регионе (10). Кроме того, Австро-Венгрия являлась ближайшим союзником Германии в Европе.

В сложившихся обстоятельствах Лондон был вынужден переоценить свои прежние внешнеполитические императивы на Балканах и Ближнем Востоке. В новых реалиях взаимодействие с Австро-Венгрией по балканским вопросам и поддержание целостности Османской империи оказались бесперспективными.

Перед Лондоном стояла непростая задача поиска новых путей проведения своего влияния в регионе. В условиях неблагоприятной международной ситуации Форин оффис необходимо было внести серьезные концептуальные изменения в свою балканскую стратегию. С этой целью британской дипломатией были частично адаптированы принципы урегулирования Восточного вопроса, сформулированные в середине 1870-х гг. лидером Либеральной партии У. Гладстоном. Он призывал ориентироваться на национально-освободительные движения балканских христиан как жизнеспособную силу, в отличие от деспотической и разрушавшейся Османской империи (11). Этот тезис оказался особенно своевременным из-за событий в Македонии.

В начале XX в. Македонский вопрос, в основе которого лежал целый набор противоречий как внутреннего, так и внешнего характера, превратился в одну из наиболее острых проблем международных отношений на Балканах. Большинство исследователей связывают его зарождение с пересмотром Сан-Стефанского прелиминарного договора, предусматривавшего включение Македонии в состав «большой» Болгарии, и последующим возвращением этой провинции под власть султана (ст. 23 Берлинского трактата). Само понятие «Македония» употреблялось для обозначения территории трех вилайетов (Косовского, Монастырского и Салоникского), население которых было разнородным по своему этноконфессиональному составу. Подобная неопределенность и сложность процессов размежевания македонских народов по национальному и религиозному принципу делали эту турецкую провинцию ареной противоборства между молодыми балканскими

государствами, стремившимися в будущем присоединить области, населенные их собратьями по вере и крови. По свидетельствам современников, наибольших успехов в этом направлении достигла Болгария благодаря активной просветительской и пропагандистской деятельности болгарских священнослужителей и учителей. В итоге существенная часть населения Македонии, по крайней мере крупных городских центров (Прилеп, Охрида, Монастыр), считала себя болгарями (12).

Проболгарские организации – Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО) и Верховный македонский комитет (ВМК) – готовили масштабное восстание в Македонии против турецкой администрации. Не рассчитывая на успех своего начинания, они, тем не менее, стремились привлечь внимание Европы к Македонскому вопросу (13), т.е. фактически интернационализировать его.

В конечном счете они достигли своей цели, когда в августе 1903 г. вспыхнуло мощное антитурецкое восстание в Македонии и Фракии. На тот момент такой сценарий развития событий отвечал интересам Лондона, поскольку ситуация в балканских вилайетах дестабилизировала обстановку в Османской империи. Особенно выгодно это было Англии в свете того, что весной того же года Германия получила от Порты окончательную концессию на сооружение Багдадской железной дороги.

Македонский кризис 1903 г. обозначил новую стадию в развитии Восточного вопроса: на карту была поставлена судьба европейских провинций султана, что неизбежно влекло за собой вмешательство великих держав в ситуацию на Балканах. Россия и Австро-Венгрия, позиционировавшие себя в качестве «наиболее заинтересованных сторон» в делах Балканского полуострова, разработали в октябре 1903 г. Мюрцштегскую программу реформ в Македонии (14).

Австро-русская схема носила довольно умеренный характер и не покушалась на суверенные права султана. Даже такой яростный противник вмешательства во внутренние дела Турции, как германский посол в Константинополе А. Маршалль фон Биберштейн, настоятельно рекомендовал султану поддержать проект Вены и Петербурга. Порта, по его уверениям, могла навести порядок в Македонии, только опираясь на Россию и Австро-Венгрию, и единственный способ это сделать – осуществить намеченные реформы (15).

В Лондоне Мюрцштегская программа подверглась серьезной критике как со стороны Форин оффис, так и общественных кругов, поскольку в ней, как утверждалось, отсутствовали реальные механизмы осуществления преобразований (16). Подобная реакция британского истеблишмента была продиктована тем фактом, что инициативой в Македонском вопросе завладели Россия и Австро-Венгрия, мнение остальных держав на их фоне казалось второстепенным. Тем не менее, на официальном уровне английское правительство санкционировало австро-русскую схему, оговорив за собой право выдвигать альтернативные решения и предлагать более радикальные меры (17).

В данном случае позицию Лондона можно оценить как взвешенную. С одной стороны, Англия как ведущая держава не могла дистанцироваться от регулирования македонского кризиса, который трансформировался из локального в международный. Волнения в балканских вилайетах непосредственно поднимали проблему территориальной целостности Османской империи, что затрагивало интересы буквально всех великих держав. Выступать инициатором дезинтеграции Турции, пусть и ее европейских провинций, в тех условиях было довольно рискованным. С другой стороны, проведение реформ, даже таких умеренных, требовало от Порты больших финансовых затрат, а потому в ее распоряжении оставалось бы меньше средств, которые она могла направить на реализацию совместных германо-турецких проектов.

Британские дипломаты и представители экспертного сообщества полагали, что решение Македонского вопроса, а значит, и стабильность на Балканах в целом зависели от позиции Болгарии (18). Антитурецкое движение в европейских вилайетах, как отмечал британский дипломатический агент в Софии Дж. Бьюкенен, по своему национальному окрасу было болгарским (19). На взгляд видного специалиста по Балканскому региону Г. Брэйлсфорда, болгары, в отличие от сербов, являлись «этнологами-практиками» и решали вопрос о национальной принадлежности славянского населения Македонии, пусть и грубыми методами, в свою пользу (20). Соответственно, вхождение македонских вилайетов в состав Болгарии было вполне прогнозируемым (21). Болгария, которая и так была «самым многообещающим балканским государством» (22), в будущем могла превратиться в противовес политике Австро-Венгрии и России на Балканах.

Разрабатывая свою балканскую стратегию, Лондону постоянно приходилось учитывать специфику болгаро-турецких отношений, которые были предельно напряжены из-за неурегулированности македонской проблемы. В данном случае на позицию болгарского руководства и логику его поведения в Македонском вопросе воздействовали внутривосточные факторы. В княжестве общепризнанной внешнеполитической программой провозглашалось «усиление Болгарии через присоединение Македонии» (23). Так, Болгария выступала в качестве своеобразной базы и главного спонсора македонских революционных комитетов. Генералы действующей болгарской армии участвовали в организации вооруженных отрядов на территории европейских вилайетов Турции (24).

Постоянным источником внутреннего давления на болгарское правительство являлось присутствие в княжестве огромного количества македонских эмигрантов (25). Болгарский князь Фердинанд Кобург оказался в весьма затруднительном положении, поскольку, как замечал германский генеральный консул в Софии фон Белов-Рутцау, с одной стороны, вооруженный конфликт с Турцией был сопряжен с большим риском, с другой – князь опасался, что его примиренческий тон по отношению к Порте, в конце концов, будет стоить ему короны и жизни (26). Таким образом, война между Болга-

рией и Османской империей рассматривалась ведущими болгарскими политиками, например, министром внутренних дел Д. Петковым, как неизбежная (27).

В Англии понимали, что княжество целенаправленно готовилось к столкновению с Турцией: в его бюджете военные расходы занимали вторую строчку после государственного долга (28). Причем, по мнению британских дипломатов, армия ни одного балканского государства не достигла такой эффективности, как болгарская: ее шансы на победу в войне с Османской империей оценивались как высокие, тем более предполагалось, что на стороне княжества выступят македонские инсургенты (29). Несомненно, Болгария, сильная в военном отношении, представляла опасность для Турции: перманентная напряженность на болгаро-турецкой границе являлась сдерживающим фактором для Порты и лишала ее стратегической инициативы. Данное обстоятельство приобретало исключительное значение для Лондона еще и потому, что в британских военных кругах всерьез рассматривалась возможность войны Англии с Германией и Турцией и их наступления на Египет (30). Как отмечалось в памятной записке генерала-лейтенанта Дж. Фишера, между Османской империей и Германией «существовало что-то вроде секретного союза» и их интересы были антагонистичными по отношению к британским на Ближнем и Среднем Востоке (31).

Итак, дестабилизация ситуации в Османской империи сближала интересы Лондона и Софии на протяжении большей части 1900-х гг. (по крайней мере, до Младотурецкой революции 1908 г.). Хотя Англия признавала за княжеством центральное место в расстановке сил на Балканах, она вместе с тем традиционно решала региональные проблемы, в том числе балканские, посредством взаимодействия с великими державами. Британия столкнулась с необходимостью выработки такой модели взаимоотношений с ведущим балканским государством, которая позволила бы ей эффективно поддерживать свое влияние в регионе. Лондон продемонстрировал гибкий подход к решению этой проблемы.

Во-первых, в отличие от Австро-Венгрии и России, которые подчеркивали свои «специальные интересы» на Балканах, Англия декларировала «незаинтересованность» в делах региона. По заявлению английского министра иностранных дел лорда Г. Лэнсдауна, Британия руководствовалась сугубо гуманитарными мотивами в своей политике на Балканах (32). В глазах местной элиты этот лозунг приобретал особенную привлекательность. Болгарские политические лидеры неоднократно выражали опасения по поводу возможности установления австро-русского «кондоминиума» на Балканах (33). Руководители повстанческого движения в интервью западным корреспондентам заявляли, что они не «отдадут» Македонию «заинтересованным державам», т.е. России и Австро-Венгрии (34). Английская реакция на Мюрцштегскую программу косвенно свидетельствовала о том, что Лондон признавал определенную справедливость требований Софии и македонских революционеров.

В предложениях Лэнсдауна и программе инсургентов прослеживается принципиальная точка соприкосновения – назначение в Македонии генерал-губернатора христианина и усиление там европейского контроля (35).

Другим отличительным методом проведения британского влияния в регионе, в том числе и в Болгарии, являлось взаимодействие Лондона с неофициальными кругами – радикалами (36). Видные интеллектуалы (политики, корреспонденты, ученые), но в то же время не связанные напрямую с правительством, они обладали большей свободой действий. В их деятельности можно выделить два основных аспекта. Во-первых, радикалы знакомили широкую общественность с ситуацией на Балканах: издаваемая ими литература была главным источником информации по проблеме «турецкого присутствия» в Европе. Во-вторых, они постоянно находились на месте событий. Ими создавались фонды помощи для пострадавших от турецких репрессий и направлялись благотворительные миссии в Македонию. Кроме того, британские корреспонденты активно контактировали с местной элитой и с лидерами национально-освободительных движений (37).

Представители неправительственных организаций в определенной степени дестабилизировали ситуацию в регионе. По донесению болгарского дипломата А. Тошева, Ч. Мастерман и братья Бакстоны, видные деятели влиятельного Балканского комитета (38), доказывали ему необходимость усиления ВМОРО, которую Болгария могла бы использовать в случае войны с Турцией. При этом английские агенты признавали, что Британия вряд ли вступит в конфликт на их стороне, но, возможно, обеспечит им поддержку (39). Такая уклончивая, но вместе с тем провокационная позиция британских представителей побуждала болгарское руководство предпринимать более решительные шаги в отношении Порты.

Правящие круги княжества осознавали важность болгарского фактора для политики великих держав в регионе, т.е. воспринимали Болгарию как весомый элемент баланса сил на Балканах. В начале XX в., выстраивая свои отношения с Лондоном, болгарское руководство мыслило категориями последней четверти XIX в., т.е. играло на традиционных англо-русских противоречиях на Ближнем Востоке. Болгарские военные убеждали британских дипломатических представителей в Софии в том, что «поддерживая Болгарию, Британия всегда будет иметь в своем распоряжении мощную армию, способную сдерживать Россию» (40). Однако в условиях англо-русского сближения (конец 1906–1907 гг.) традиционная риторика болгарской правящей элиты теряла свою актуальность; установление «согласия» между Лондоном и Петербургом ограничивало Фердинанду Кобургу пространство для дипломатического маневрирования. Не внося радикальные коррективы в свою внешнеполитическую стратегию, болгарские политические деятели несколько видоизменили свою тактику, в частности в Македонском вопросе: в условиях существования англо-русской Антанты (41) они призывали Лондон задавать тон международным отношениям на Балканах. Так, лидеры

ВМОРО, отмечая прогрессивный характер британского проекта реформ в Македонии, предлагали России, «великой славянской державе», последовать примеру своего партнера по Антанте (42).

События лета 1908 г. – Ревельское свидание русского и британского монархов, Младотурецкая революция и объявление британским правительством о поддержке проанглийского правительства Киамиль-паши (43) – укрепили Фердинанда в мысли о том, что ориентация на англо-русскую Антанту исключала возможность изменения политико-правового статуса Болгарии и ее расширения за счет македонских территорий в ближайшей перспективе (44). При такой расстановке сил осуществление внешнеполитических целей Болгарского государства, на взгляд князя, обуславливалось возможностью опоры на ту великую державу, которая выступала за ревизию статей Берлинского трактата. На тот момент только Австро-Венгрия стремилась к изменению статус-кво на Балканах: Вена намеривалась юридически закрепить вхождение в состав империи Габсбургов Боснии и Герцеговины, оккупированных ей в соответствии со ст. 25 Берлинского трактата.

В данном случае нас интересует не столько ход событий Боснийского кризиса 1908–1909 гг., взаимосвязанными составляющими которого являлись провозглашение независимости Болгарии 5 октября и аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины 7 октября (они и так детально изучены в историографии) (45), а реакция Лондона на политику Софии. Особую обеспокоенность Форин оффис вызывали два обстоятельства: синхронность действий болгарского и австро-венгерского правительств и шаткость позиций младотурецкого руководства. Ревизия основных статей Берлинского трактата без одобрения всех стран, поставивших под ним свою подпись, предполагала диспропорциональное усиление в регионе великой державы, его нарушившей. Согласованность политики Вены и Софии по данному вопросу означала дрейф Болгарии, государства, игравшего одну из первостепенных ролей в балканских делах, в сторону Австро-Венгрии.

Характерной чертой политики Форин оффис в вопросе о провозглашении независимости Болгарии являлась высокая степень русско-британского взаимодействия. Первоначально обе державы декларативно отказались признать изменение международно-правового статуса Болгарии. Англия поддержала сделанное Россией заявление о том, что всю ответственность за последующие события, какой бы оборот они не приняли, будет нести болгарское правительство (46). Лондон, Париж и Петербург заявили о том, что они официально признают независимость Болгарии лишь после того, как между болгарским и турецким правительствами будет урегулирован вопрос о компенсациях (47).

Между тем, по сообщениям самих болгарских политиков, британский дипломатический агент выказывал самое дружеское расположение к их стране (48). Дж. Бьюкенен и его французский коллега М. Палеолог телеграфировали из Софии своим правительствам о необходимости незамедлитель-

ного признания Болгарского царства (49). Такой подход в отношении Болгарии обуславливался главным образом тем, что Лондон считал ее самым значимым из славянских государств Балканского полуострова (50). По мнению Л. Малле, высокопоставленного чиновника Форин оффис, увидеть Болгарию так же, как и Румынию, в австро-германском блоке было удручающей перспективой (51). Кроме того, события осени 1908 г. – весны 1909 г. продемонстрировали слабость нового младотурецкого режима, его неспособность реагировать на внешние вызовы и защищать территориальную целостность империи. Турция, как замечал Бьюкенен, была не в состоянии воевать с Болгарией, а потому единственное верное решение – признание ею независимости своего бывшего вассала (52).

В Лондоне и Петербурге понимали, что в случае перехода Болгарии в лагерь Центральных держав чаша весов на Балканах склонится в пользу австро-германского блока. Ведь было очевидно, что Сербия в одиночку не сможет противостоять натиску Австро-Венгрии. В условиях, когда доминирование Германии в столь стратегически важном регионе представляло угрозу для интересов Англии и России, внешнеполитическим ведомствам двух стран необходимо было вовлечь Болгарию в орбиту влияния Антанты. На этапе 1909 г. действия держав «Тройственного соглашения» в этом направлении имели положительные результаты благодаря усилиям министра иностранных дел России А.П. Извольского. Он выдвинул финансовую схему, которая позволила разрешить вопрос о компенсациях на взаимоприемлемой для Софии и Константинополя основе. В соответствии с планом Извольского Россия отказывалась от контрибуции, которую ей выплачивала Турция после войны 1877–1878 гг., при условии, что та прекращала требовать компенсации от Болгарии. В свою очередь, болгарское правительство обязывалось заключить в Петербурге заем под очень низкий процент (53).

По итогам кризиса в связи с провозглашением независимости Болгарии британскими дипломатами был сделан важный вывод о специфике процесса принятия внешнеполитических решений болгарским руководством. Вопросы межгосударственных взаимоотношений всецело находились в ведении Фердинанда Кобурга, который привносил изрядный элемент оппортунизма во внешнюю политику Болгарии, что могло обернуться негативными последствиями для держав Антанты. Так, Дж. Бьюкенен отмечал склонность Фердинанда «проводить *политику качелей*, переходя на сторону то одной, то другой державы в зависимости от его сиюминутных интересов» (54). И если с заключением англо-русского соглашения Фердинанд лишился возможности извлекать политические выгоды из разногласий между Лондоном и Петербургом, то стремительное ухудшение русско-австрийских отношений и все более жесткое размежевание великих держав на два враждебных блока предоставляли ему прекрасную возможность лавировать не только между Россией и Австро-Венгрией, но и между Антантой и Тройственным союзом.

О значимости Болгарии для баланса сил на Балканах свидетельствовал тот факт, что ей отводилась роль ключевого звена любого регионального союза. Так, в Петербурге и Лондоне отдавали себе отчет в том, что создаваемый местными государствами (Болгарией, Сербией, Грецией, Черногорией) весной–летом 1912 г. Балканский союз был в первую очередь нацелен на решение вопроса о судьбе европейских провинций султана – Македонии и Фракии. Между Сербией и Болгарией даже была подписана секретная конвенция о разделе македонских территорий на сферы влияния.

Однако Форин оффис и русский МИД также рассчитывали на то, что блок балканских государств, в частности его сербо-болгарская компонента, будет иметь антиавстрийскую направленность, что было важно в случае возникновения конфликта между Антантой и Тройственным союзом. Английские военные даже рассматривали возможные варианты ведения Сербией и Болгарией совместных боевых действий против Австро-Венгрии, причем они находили желательным размещение болгарских войск на границе с Сербией с тем, чтобы помочь последней отразить наступление с севера (55).

Однако на фоне убедительных побед балканских государств над Турцией в войне 1912 г. ситуация начала выходить из-под контроля великих держав, прежде всего России, которая активно содействовала созданию Балканского союза (56). Главным образом это касалось поведения Болгарии. С одной стороны, успешные операции болгарских войск во Фракии, осада Адрианополя и их возможное вторжение в Константинополь ставили на повестку дня два принципиальных международных вопроса – о Проливах и о судьбе азиатских провинций султана. В Петербурге были убеждены, что болгарское присутствие в Константинополе и зоне Проливов было «совершенно недопустимо» (57). Лондон же беспокоила возможность перенесения боевых действий на территорию азиатской Турции, где у Германии имелись «обширные интересы» (58). В таких условиях ослабление Болгарии виделось Форин оффис и русским МИДом как возможный выход из создавшейся ситуации.

С другой стороны, у Болгарии возникли серьезные разногласия с Сербией и Грецией по поводу раздела отвоеванных у Османской империи территорий. Отказ русской дипломатии разрешить противоречия между Белградом и Софией из-за спорных земель исключительно в пользу последней, вражда с Грецией из-за южной Македонии и Фракии побудили Фердинанда, заручившегося поддержкой Вены, начать военные действия против своих бывших союзников (59). Выступление Румынии и Турции предопределило поражение Болгарии. Последняя, хотя и считалась самым мощным государством на Балканах, не располагала достаточными ресурсами, чтобы противостоять коалиции других государств региона.

В итоге в октябре 1915 г. Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав. Однако еще в конце 1914 г., т.е. после начала мировой

войны, аналитики Форин оффис не могли спрогнозировать дальнейшие шаги болгарского правительства (60).

Можно выдвигать много версий на тему того, почему Англия не приложила достаточно усилий, чтобы удержать Болгарию в сфере влияния Антанты. Очевидно, что «балканская игра», как и любая другая игра, предполагала множество ходов и вариантов развития событий, и на разных этапах значение в ней «болгарской карты» менялось в зависимости от ситуации и конфигурации игроков, т.е. великих держав. С середины 1880-х гг. и до 1907 г. Болгария была самоценным элементом в балканской политике Лондона: сначала как буфер против России, затем как дестабилизирующий фактор для европейских провинций прогермански ориентированной Турции. Но после заключения англо-русской Антанты в 1907 г. Лондон и Петербург, несмотря на оставшиеся у них противоречия на Ближнем и Среднем Востоке, стали играть общую партию на Балканах, ставя перед собой задачу не допустить проникновения австро-германского блока в этот стратегически значимый регион. Теперь Болгария рассматривалась Форин оффис как очень важное звено в объединении балканских государств, призванном стать преградой германскому продвижению на Восток.

У болгарского руководства, в частности Фердинанда Кобурга, были свои соображения на этот счет. В отличие от Сербии, экспансия Австро-Венгрии на Балканах не представляла угрозу для существования Болгарии в качестве независимого государства. Как верно отмечали современники, Болгарию в большей степени волновал вопрос о присоединении к ней македонских территорий (61). Иными словами, если интересы Сербии были тождественны интересам Тройственного Соглашения, то Болгария преследовала свои собственные внешнеполитические цели, что понимали и в Лондоне, и в Петербурге. Вероятно, накануне войны русский МИД и Форин оффис до конца не верили в то, что после поражения, которое потерпела болгарская армия летом 1913 г., руководство страны отважится выступить против объединенной коалиции Сербии, Греции, Румынии и Черногории в случае масштабного конфликта. Но начавшаяся мировая война «смешала» все карты в «балканской игре» Лондона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Buchanan G.* My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs. – L., 1925. – P. 62.
- (2) *Пантев А.* Англия и външнополитическите проблеми на България (1878–1914) // България в света от древността до наши дни. – София, 1979. – Т. 2; *Pantev A.* Bulgaria's Place in the Political Strategy of Great Britain (1879–1912) // *Bulgarian Historical Review.* – 1973. – № 4; *Idem.* Britain and Bulgaria 1878–1915 // *Southeastern Europe.* – 1980. – № 2.
- (3) Сборник договоров России с другими государствами. – М., 1952. – С. 163–164.
- (4) *The Salisbury's Circular to the Powers.* 1.01.1878. – *Foundation of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902); or, Documents, Old and New.* – Cambridge, 1938. – Doc. 144. – P. 377.

- (5) Сборник договоров России с другими государствами. – С. 188.
- (6) A. Layard to Foreign Secretary. 27.04.1880. – Британски дипломатически документи по българския национален въпрос. – София, 1993. – Т. 1: 1878–1893. – № 58. – С. 174.
- (7) *Sutherland H.* Sir William White, K.C.B., K.C.M.G., for Six Years Ambassador at Constantinople; His Life and Correspondence. – L., 1902. – P. 228–229.
- (8) *Ibid.* – P. 234.
- (9) Эта магистраль представляла непосредственную угрозу британским стратегическим позициям в Азии.
- (10) В 1887 г. между Англией, Австро-Венгрией и Италией были заключены секретные соглашения о поддержании статус-кво на Востоке, т.е. в бассейне Адриатического, Эгейского и Черного морей, а также в Северной Африке, кроме того, предусматривались совместные действия договаривающихся сторон в случае внешнего посягательства на принцип территориальной целостности Турции.
- (11) *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan, with Other Tracts. – Leipzig, 1876. – P. 19.
- (12) Статистические и этнографические сведения о населении Битольского вилайета // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). – Ф. 192: Миссия в Софии. – Д. 10. – Оп. 527. – Л. 291.
- (13) Положение дел в Македонии (копия с записки Вейсмана, 23 мая 1903 г.) // АВПРИ. – Ф. 166: Миссия в Белграде. – Оп. 508/1. – Д. 95. – Л. 73.
- (14) Суть ее сводилась к проведению преобразований в трех сферах: реорганизации жандармерии, реформированию финансовой и судебной систем – а также в перспективе предполагалось территориально-административное разграничение трех вилайетов на основе этноконфессионального принципа. Кроме того, Порте предписывалось при главном инспекторе македонских провинций Х. Хилми-паше назначить гражданских агентов от России и Австро-Венгрии, которые должны были контролировать деятельность местных турецких властей (Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. – С. 329–332).
- (15) *Die große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914* (далее – GP). – Bd. XVIII (1). – Berlin, 1927. – S. 374.
- (16) Lansdowne to Plunkett. 29.09.1903. – *British Documents on the Origins of the War 1898–1914* / Ed. by G.P. Gooch and H. Temperley (далее – BD). – Vol. V. – L., 1928. – № 14. – P. 63; *Brailsford H.N.* A Liberal Policy in the Near East // *The Independent Review*. – August 1904. – Vol. III. – P. 335–336.
- (17) *Hansard's Parliamentary Debates*. House of Lords and House of Commons. – Ser. 4. – Vol. 129. – L., 1904. – Col. 40.
- (18) *Dillon E.J.* Macedonia and the Far East // *The Contemporary Review*. – February 1904. – P. 294.
- (19) *General Report on Bulgaria for the Year 1906*. Genesis of the Macedonian Insurrectionary Movement. – The National Archives, UK (далее – NA). – FO 881/8873. – P. 18.
- (20) *Brailsford H.* The Macedonian Revolt // *The Fortnightly Review*. – September 1903. – P. 440.
- (21) Так, в 1910 г. британский дипломатический представитель в Софии Финли писал о том, что единственное и окончательное решение Македонского вопроса – это победа болгар в войне над турками (Findley to Grey. 18.08.1910. – BD. – Vol. IX. (1). – № 176. – P. 200).
- (22) NA. – FO 881/8873. – P. 19.
- (23) Донесение Ю.П. Бахметеву. 7.01.1901. – АВПРИ. – Ф. 192. – Оп. 527. – Д. 10. – Л. 12.

- (24) Дешеша Зиновьева. 22.01/4.02.1903. – АВПРИ. – Ф. 192. – Оп. 527. – Д. 10. – Л. 40.
- (25) Buchanan to Grey. 2.09.1906. – NA. – FO 371/15. – № 11. По данным Бьюкенена, в 1906 г. в Болгарии насчитывалось 300 тыс. эмигрантов из Македонии.
- (26) GP. – Bd. XIX (1). – S. 117–118.
- (27) Buchanan to Grey. 28.04.1906. – NA. – FO 371/14/214/15513.
- (28) Du Cane to Scott. 27.01.1906. – NA. – FO 371/14/98 /3969.
- (29) Military Policy. Armaments. Coast Defence. – NA. – FO 881/8873. – P. 44.
- (30) A Turco-German invasion of Egypt: Note by Sir John French. – NA. – CAB 38/12/42.
- (31) Ibid.
- (32) Hansard's Parliamentary Debates. – Vol. 129. – Col. 365.
- (33) Elliot to Lansdowne. 31.10.1903. – NA. – FO 78/5295. – № 294.
- (34) Le Temps, 1.01.1904.
- (35) The Times, 19.09.1903; P. Cambon à Delcassé. – Affaires de Macédoine, 1903–1905 // Ministère des affaires étrangères. – P., 1905. – № 37. – P. 37.
- (36) По своим взглядам они относились к левому крылу Либеральной партии и являлись приверженцами гладстоновских традиций в вопросах внешней политики.
- (37) Так, специальный корреспондент «Таймс» в Софии Дж. Баучер, как отмечали современники, был фигурой, приближенной к княжескому двору, и пользовался большим авторитетом в Болгарии. Кроме того, он неоднократно встречался с вождями македонских повстанцев: Д. Груевым, Г. Делчевым, Х. Татарчевым (*Grogan E.F.B. The Life of J.D. Bouchier. – L., 1926. – P. 110*).
- (38) В 1903 г. на волне событий в Македонии радикалами был сформирован Балканский комитет. Большинство представителей этой неправительственной организации симпатизировали Болгарии и «болгарскому элементу» в Македонии. Ядро Балканского комитета составили политики (Дж. Брайс и Н. Бакстон, Дж. П. Гуч, Х. Лоу, Дж. Кеннауэй) и журналисты (Дж. Макдональд, Г. Брэйлсфорд, Дж. Баучер, Г. Невинсон) либерального толка, выдающиеся ученые (А. Эванс и Ч. Тревельян), религиозные деятели (епископы Вустерский, Рочестерский и Херефордский, каноник М. Макколь), главы колледжей Оксфордского и Кембриджского университетов и др.
- (39) А. Тошев до Д. Станчова, строго поверительно. 28.11.1907 // АВПРИ. – Ф. 192. – Оп. 527. – Д. 10. – Л. 229.
- (40) J. Maunsell to F. Elliot. 20.09.1903. – NA. – FO 78/5295.
- (41) В августе 1907 г. в Петербурге была заключена англо-русская конвенция о разграничении сфер влияния в Афганистане, Тибете и Персии; в этот момент завершилось складывание Тройственной Антанты в составе Франции, Англии и России.
- (42) Донесение Д. Сементовскому-Курило. 1.04.1908 // АВПРИ. – Ф. 192. – Оп. 527. – Д. 10. – Л. 253.
- (43) В июне 1908 г. в Ревеле состоялась встреча Николая II и Эдуарда VII, во время которой были согласованы позиции России и Англии по вопросу македонских реформ. По мнению британского посла в Константинополе Дж. Лоутера, ревельские решения послужили катализатором революции в Османской империи в июле 1908 г., поскольку в восприятии младотурок (они преимущественно представляли военные круги) русско-британский проект реформ фактически означал лишение Турции ее прав на европейские провинции. Главой нового правительства был назначен Киамиль-паша, славившийся своими англофильскими убеждениями (*General Report on Turkey for the Year 1908. The Constitutional Movement. – British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. – P. I: From the Mid-Nineteenth Century to the First World War. – Ser. B. The Near and the Middle*

- East, 1856–1914. – Vol. 20. The Ottoman Empire under the Young Turks, 1908–1914. – University Publications of America, 1984. – Doc. 23. – P. 49).
- (44) После прихода к власти Киамиль-паши Лондон объявил об отказе от проведения реформ в Македонии, поскольку, как отмечалось, все подданные Османской империи, в соответствии с восстановленной Конституцией 1876 г., наделялись равными правами, а значит, отпадала необходимость в дальнейших преобразованиях.
- (45) *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. – пролог первой мировой войны. – М., 1964; *Романова Е.В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. – М., 2008; *Лунева Ю.В.* Боснийский кризис 1908–1909 годов: провал тайной сделки Извольского и Эренталя // Новая и новейшая история. – 2009. – № 2; *Марков Г.* Возникновение независимого Царства Болгария в ходе балканского кризиса 1908–1909 годов // Славяноведение. – 2009. – № 3; *Schmitt B.E.* The Annexation of Bosnia 1908–1909. – Cambridge, 1937; *Ünal H.* British Policy towards the Ottoman Empire during the International Crisis: Bulgaria's Declaration of Independence and the Annexation of Bosnia and Herzegovina, 1908–1909 // Bulgarian Historical Review. – 2001. – № 1/2.
- (46) Annual Report on Russia. 1908. – British Documents on Foreign Affairs. – P. I. – Ser. A. Russia, 1859–1914. – 1983. – Vol. V. – Doc. 60. – P. 208.
- (47) Identic Representations made by France, Great Britain, and Russia. Reply of Bulgarian Government. – NA. – FO 421/259. – P. 8. Под «компенсациями» имелся в виду вопрос о восточнорумелийской дани и выплатах за захват Болгарией отрезка Восточной железной дороги.
- (48) С. Чапрашиков до цар Фердинанд. 28.09.1908 // Документи по обявяване на независимостта на България 1908 година. Из тайния кабинет на кнез Фердинанд. – София, 1968. – № 55. – С. 55.
- (49) С. Чапрашиков до цар Фердинанд. 21.09.1908 // Там же. – № 38. – С. 43.
- (50) Annual Report on Russia. 1909. – British Documents on Foreign Affairs. – P. I. – Ser. A. – Vol. V. – Doc. 102. – P. 330.
- (51) Buchanan to Grey, Minute by Mallet. 4.10.1908. – BD. – Vol. V. – № 427. – P. 483.
- (52) Документи по обявяване на независимостта... – № 55.
- (53) *Crampton R.J.* Bulgaria. – N. Y., 2007. – P. 176.
- (54) Bulgaria. Annual Report. 1908. The Great Powers and the Balkan States. – NA. – FO 421/259. – P. 10.
- (55) The Military Resources of Bulgaria. Part II (Secret). – NA. – FO 881/10110X. – 1912. – P. 26.
- (56) Buchanan to Nicolson. 17.10.1912. – BD. – Vol. IX (2). – № 43. – P. 33.
- (57) Докладная записка Н. Обнорского: Россия и Балканский вопрос. – АВПРИ. – Ф. 133. Канцелярия. – 1913. – Оп. 470. – Д. 33. – Л. 6.
- (58) Grey to Goschen 17.01.1913. – BD. – Vol. IX (2). – № 522. – P. 421.
- (59) *Taylor A.J.P.* The Habsburg Monarchy, 1809–1918: A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. – L., 1948. – P. 229.
- (60) Aide-mémoire de l'Ambassade de Sa Majesté Britannique. 20.11.1914 // АВПРИ. – Ф. 192. – Оп. 527. – Д. 37. – Л. 144.
- (61) *Buxton N.* The War and the Balkans. – L., 1915. – P. 71.

**BULGARIA IN BRITAIN'S «BALKAN GAME»
IN THE EARLY 20TH CENTURY**

O.I. Aganson

Department of modern and contemporary history
Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27-4, Moscow, Russia, 119992

The article is aimed at defining Bulgaria's role in Britain's «Balkan game» in the decade preceding World War One. It is stated that the Foreign Office had to take into consideration various factors both global and regional character while moulding Britain's policy in the Balkans. The Anglo-Bulgarian relations in the early 20th century are viewed as an example of interaction between the great power and the small state in the region.

Key words: Great Britain, Ferdinand I of Bulgaria, Ottoman empire, Macedonian question, Balkan wars 1912–1913, Entente.